

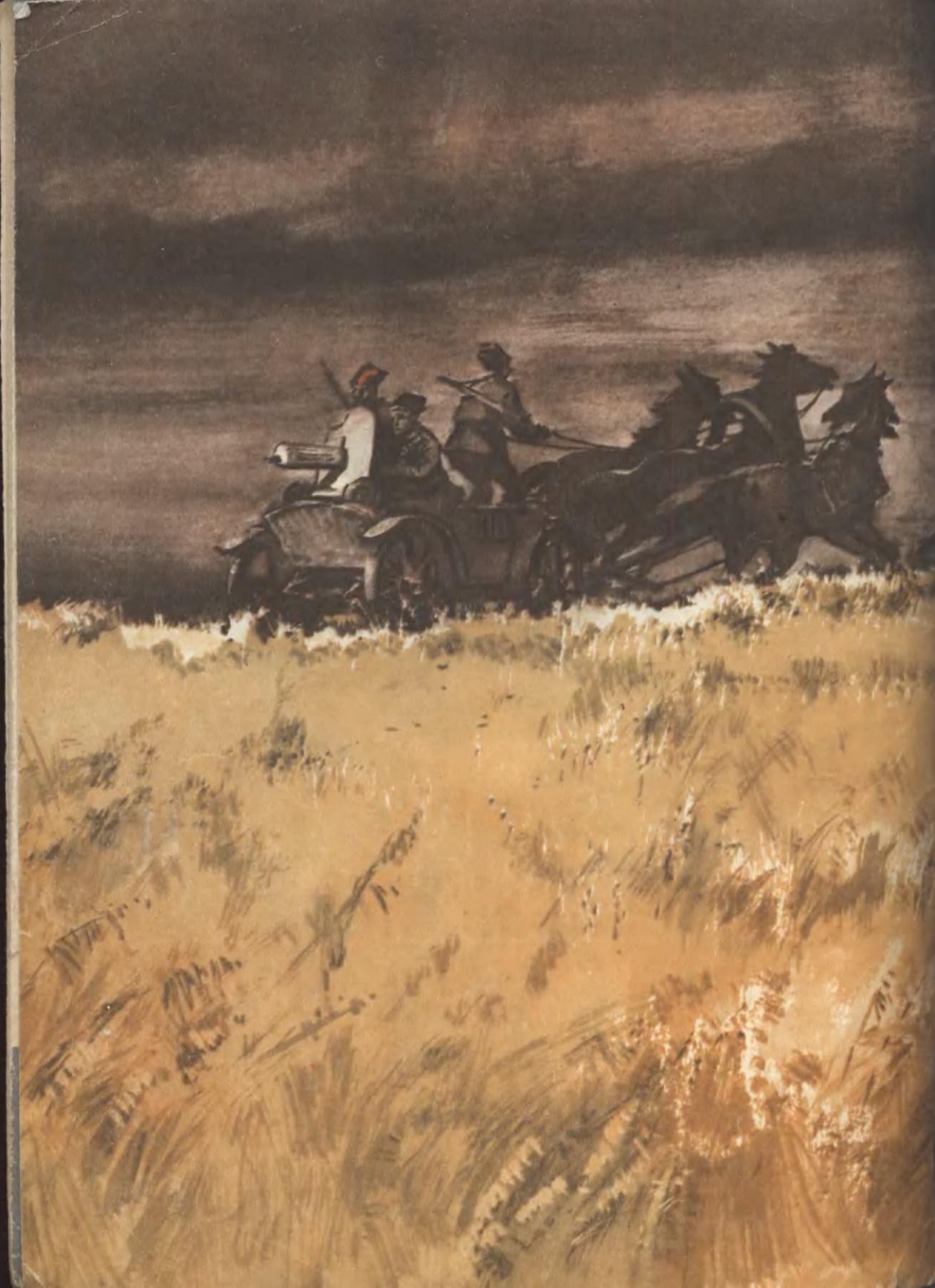
ИГОРЬ ВСЕВОЛОЖСКИЙ



**ВОСЕМЬ
СМЕЛЫХ
БУДЁНОВЦЕВ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"





ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА



ИГОРЬ ВСЕВОЛОЖСКИЙ

ВОСЕМЬ СМЕЛЫХ БУДЁНОВЦЕВ

РАССКАЗЫ

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1974

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

В этой книге четыре рассказа о Семёне Михайловиче Будённом, о том, как молодой Будённый не давал в обиду своих товарищей, царских солдат, и о том, какие подвиги совершали красные будёновцы-конники во время гражданской войны.

Игорь Евгеньевич Всеволожский (1903—1967), старейший советский писатель, сам подростком участвовал в гражданской войне. Он написал несколько книг о Будённом и о его верных соратниках — «Хуторская команда», «Отряды в степи», «В боях и походах» (рассказы генерала Оки Городовикова), «Восемь смелых будёновцев».

Прочтите, ребята, эти книги и напишите, понравились ли вам они. Наш адрес: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Рисунки А. Лурье

Всеволожский И. Е.

В84 Восемь смелых будёновцев. Рассказы. Рис. А. Лурье. М., «Дет. лит.», 1974.

32 с. с ил. (Школьная библиотека «Читаем сами»).

Рассказы о герое гражданской войны Семёне Михайловиче Будённом и его верных соратниках.

70802—593
В М101(03)74 Без объявл.

P2



ВОСЕМЬ СМЕЛЫХ БУДЕНОВЦЕВ

В февральское бесснежное утро белогвардейцы выбили из родной станицы Будённого — Платовской партизанский отряд и разогнали станичный Совет. Арестовали триста станичников, а среди них и отца Семёна Будённого — Михаила Ивановича.

К ночи были усилены заставы и постами было приказано глядеть в оба. Белогвардейцы опасались, что Семён может появиться внезапно, с большим отрядом, и нагрянуть на станицу. И теперь белогвардейцы, утомлённые атакой и грабежом, отдыхали. Пушки и пулемёты сторожили их сон.

...Будённый, обойдя знакомой ему с детства тропой сторожевые заставы белых, пробрался к покосившейся мазанке на краю станицы. Ставни были закрыты. Идут... Патруль? Семён прижался к холодной стене.

Голоса затихли вдали. Будённый слегка стукнул в ставню. Никто не отпирал.

Будённый подождал, прислушался и стукнул ещё раз, чуть громче.

Чу! Кто-то зашевелился в хате, вышел в сени.

Скрипнул засов.

Будённый стремительно пододвинулся к двери. Дверь отворилась неслышно, и он скорее почувствовал, чем увидел, бесконечно родное и любимое лицо матери.

Она всматривалась в темноту.

— Мамо! — шепнул Будённый.

— Семене!

— Тихо, мамо, тихо!

— Сёма! Родной мой! Откуда ты? Отца увели, забрали. Ходила до начальника, начальник накричал, сказал — расстреляют...

Семён прижался щекой к мокрому от слёз лицу матери, почувствовал морщины, рано избороздившие её щёки...

— Ты голодный, наверное, сынку? — спросила мать.

— Нет, я не голодный, мамо.

— Ты с войском?

— Нет, я один.



— Один? — в ужасе воскликнула Меланья Никитична.

— Тихо, мамо, тихо!

— Уходи, Сёма, уходи! Беляки допытывались, где ты. Ищут тебя. Уходи.

— Сколько белых в станице, мамо?

— Гутарили люди — четыре сотни. Уходи, сынку, пока не поздно! Честью прошу, уйди.

— Сейчас уйду, мамо. А сколько орудий?

— Одно, у станичного правления. Сёма, приказываю тебе як мать: уходи!

— Да ухожу, мамо. А пулемётов не видела?

— Два, сынок.

— На площади, что ли?

— На площади. Да уйдёшь ли ты, непослушное дитё?

— Прощай, мамо. Жди в гости!

И, крепко расцеловав мать в губы, в лоб, в щёки, Будённый вскочил на коня и исчез во тьме.

Мать долго стояла, прислушиваясь к ночным шорохам. С трепетом ждала она, не раздастся ли выстрел.

Её сын один, без отряда, в станице, заполненной лютыми врагами! Её Сёма, которого она вырастила, не раз драла хвостиком за проказы и так горячо любила, подвергается страшным опасностям, его могут убить...

Сердце её наполнилось страхом.

Она услышала голоса. Возвращался патруль. Стараясь не скрипеть засовом, Меланья

Никитична тихо заперла дверь и долго стояла в темноте сеней, за дверью, прижимая руку к груди и чувствуя, как бьётся сердце.

Действовать нужно немедленно — понял Будённый. Арестованных заложников расстреляют на рассвете.

Будённый пришпорил коня и поскакал на хутор Козюрин. Семён знал, что на хутор ушёл с отрядом партизан Фёдоров, выбитый белыми из станицы; на хутор бежали уцелевшие от расправы станичники...

Среди них — товарищи его детства, участники детских игр, лихих налётов, походов и схваток.

Конь стрелой пролетел сквозь кустарник, и Будённый услышал собачий лай и крик петуха.

Значит, за полночь.

— Где Фёдоров? — крикнул Будённый возникшему в темноте часовому, спешился и побежал к дому; в нём светились окна.

Фёдоров спал, накрыв голову полушубком.

— Вставай! — сдёрнул полушубок Будённый.

— Ты откуда? — удивился, открыв глаза, Фёдоров.

— Из Платовской.

— Беляки без боя ушли?

— Какое! Их там полным-полно. Четыре сотни. С орудием, с пулемётами. Давай людей!

— Каких тебе людей?

— Пятьдесят конных.

— Не дам.

— Ну, тридцать.

— И тридцати не дам. Я уйду на соединение с мартыновско-орловским отрядом.

— Уходишь? Так ведь на рассвете кончат заложников!

Фёдоров покачал головой.

Будённый понял, что Фёдоров людей не даст.

Будённый не боялся смерти, привык смотреть ей в глаза. Он считал, что можно пожертвовать собственной жизнью для спасения родных и близких, если понадобится.

Фёдоров же был осторожен, не любил риска, шёл на соединение с мартыновцами, чтобы превосходить противника и ударить наверняка.

— Так не дашь людей? — спросил ещё раз Будённый.

— Не дам.

Это было ударом.

Будённый был убеждён, что десять смелых людей могут сделать больше, чем другие сто. Но выбить из станицы четыреста вооружённых людей, даже обладая безудержной храбростью, одному невозможно.

Запели вторые петухи. До рассвета оставалось часа три, не больше. Тогда всё будет кончено...

Будённый сидел неподвижно, глядя на пламя свечи. Вдруг ему пришло в голову: если десять смелых людей могут наделать

больше дел, чем другие сто, надо найти этих десять смелых людей!

Будённый встал:

— Баранников в Козюрине?

— В соседней хате ночует. В голову шашкой ранили, — ответил Фёдоров.

— Филипп? Андрей? Афанасий?

— Они все вместе, платовские.

План всё больше казался осуществимым. У каждого из одностаничников либо отец, либо брат, либо родственник забран белыми и будет расстрелян на рассвете. Каждый из них так же горячо, как и сам Будённый, ненавидит беляков.

— Прощай, — поднялся Семён.

— Куда ты?

— На Платовскую.

— Один?

— Со своими, с платовскими.

— Да ты с ума сошёл! Их всего семь человек!

— Из прапорщиков ты, образованный, — задержался на пороге Будённый, — а арифметике тебя не научили. Раз мы — за революцию, умножай нас во сто раз!

И он пошёл двором в соседнюю хату.

В небе чуть стало светлеть, когда отряд в восемь всадников остановился на старом, заброшенном кладбище, среди истлевших крестов.

Перед Будённым стояли семь смелых товарищей, которых он знал с детских лет.

Бойцы ждали от командира приказа.

— Вот что, хлопцы,— сказал им Будённый.— Нас восемь человек. Если идти в открытую — мы и сами погибнем, и родных и близких не выручим. Но мы сильны тем, что знаем все тропы и тропки. Мы сумеем обойти охранение. Мы с Филиппом попытаемся убрать конвой и завладеть пулемётами. А вы не зевайте. Делитесь на эскадроны... на шесть эскадронов.

— Как это — на шесть эскадронов? — спросил Андрей.

— А вот как. Ты, Андрей, будешь первым эскадроном. Скачи и кричи что есть силы: «Первый эскадрон, за мной в атаку марш!» Понял?

— Понял.

— Ты, Фёдор, будешь вторым эскадроном. Стреляй из винтовки и ори во всю глотку: «Второй эскадрон, сыны революции, в атаку!» Понятно?

— Понятно.

— Ты, Афанасий, будешь третьим эскадроном, ты, Кузьма, четвёртым, ты — пятым, ты — шестым. А как вооружим арестованных — ударим по белякам! Смелость, хлопцы, она города берёт. По коням!

Оврагом конники обошли заставы белых и очутились в станице.

Будённый и Филипп спешили и, оставив



коней, согнувшись, пробрались к станичному правлению, скрывавшемуся во тьме.

Ветер раскачивал фонарь, как маятник, и тусклый луч света бегал по мёрзлой земле.

Кругом была тишина, какая бывает в последние минуты перед рассветом.

Будённый и Филипп притаились. В окнах правления промелькнул свет. Чу! На крыльце появились чёрные тени. Друзья услышали приглушённый говор.

Белогвардейцы выводили первую партию осуждённых.

Станичники поёживались от холода и, казалось, не понимали, куда их ведут. Они шли покорно. Мысль о нападении на вооружённый конвой не приходила им в голову.

И тут в темноте Будённый скомандовал:

— Вперёд, бойцы, в атаку! Сдавайтесь, гады, вы окружены!

Фонарь потух, пробитый пулей. Упал как подкошенный начальник конвоя.

— Разоружай конвой, станичники! Бери винтовки, кричи «ура!» — командовал Семён Михайлович.

И сразу всё закричало, зашумело, кругом застреляли. Послышался грозный топот копыт.

Со всех сторон посыпались команды:

— Первый эскадрон, в атаку марш!

— Второй эскадрон, сыны революции, в атаку на белых гадов! Ура!

— Шестой эскадрон! Ура-а-а!

— Урра! — неистово кричали станичники, ещё не поняв как следует, в чём дело, но поняв одно: пришло спасение, пришла жизнь!

Они кидались на конвойных и отбирали винтовки.

Двери, ставни и окна правления подались под напором хлынувших оттуда станичников.

Кто-то радостно крикнул, узнав Семёна:

— Будённый!

И этот крик был подхвачен и понёсся по всей станице.

— Будённый! — орали прыгавшие в одних подштанниках из окон и убежавшие через сады, точно полоумные, офицеры.

— Будённый! — кричали солдаты, кидая оружие. Им слышался топот тысяч копыт, рёв тысяч голосов, кричавших «ура».

Успевший сбежать хорунжий Герасимов докладывал белогвардейскому генералу Гни-лорыбову:

— Этот Будённый прекрасно вооружён. У него целых шесть эскадронов. Мы понесли потери убитыми, ранеными и пленными. Всё наше оружие досталось Будённому.

А к Семёну шли партизаны. Просили принять их в отряд. Так зарождалась Первая Конная армия.





КОНЬ ИСПАНЕЦ

Это было ещё в царской армии.

На германском фронте под местечком Бжезины Семён Будённый лихой атакой отбил у противника обоз, забрал в плен солдат, офицеров.

Начальник Будённого вахмистр Хестанов перед каждой атакой «заболевал» — он был трусом. Георгиевские кресты получили, однако, оба.

Перешли на турецкий фронт. В полку появился норовистый конь, по кличке Испанец. Сам эскадронный командир Крым-Шамхалов,

лучший в полку наездник, обуздать Испанца не смог. А Семён Будённый Испанца объездил.

Теперь Хестанов не знал ни минуты покоя. Ему чудилось, что Будённый хочет занять его место...

Лагерь сторожили высокие горы. На дне ущелья шумела и пенилась горная речка.

Зов трубы поднимал драгун с коек. В горах эхо повторяло сигнал. Драгуны бежали к речке, умывались ледяной водой и шли на занятия.

Иногда вместо стрельб и ружейных приёмов вахмистр обучал драгун пению.

— От песни, — говорил Хестанов, — за версту лихостью должно нести. Уразумели?

— Так точно, — отвечали драгуны.

— От русской песни турок штаны должен потерять. Уразумели?

— Так точно, уразумели, господин вахмистр!

— Запевай! Фронтovou!

Запевала начинал:

Из-под кочек, из-под пней

Лезет враг оравой.

Гей, драгуны, на коней

И айда за славой!

— Всем петь! Ну! — командовал вахмистр, и все драгуны подхватывали:

Гей, драгуны, на коней

И айда за славой!

И снова затягивал запеваля:

На врагов, чертям назло,
Налетим мы бурей,
Это наше ремесло —
Целоваться с пулей.

— Всем петь. Ну! — приказывал вахмистр.
И все пели:

Это наше ремесло —
Целоваться с пулей.

В это утро Хестанов проснулся в плохом настроении. Накануне он выпил лишнего, и надо было опохмелиться. Денег не было и негде было достать. Он приказал Будённому доучить с драгунами фронтую песню, а сам напился чаю и пошёл на коновязь.

Дневалил по коновязи тихий солдат Кузьменко.

Хестанов вспомнил, что вчера просил у Кузьменко денег на табак и тот сказал, что у него денег нет.

Кони мирно жевали овёс. Только Испанец, повернув голову к вахмистру, сердито на него покосился.

Вахмистр отскочил:

— Чего глазищи вылупил, чёрт испанский? — Он споткнулся и чуть было не упал. — Накидали всякой дряни на дороге! — выругался он. И заорал на дневального: — Ты нарочно мне под ноги накидал всякой дряни?

— Никак нет, господин вахмистр, — испу-

ганно ответил Кузьменко. — Как можно нарочно...

— Ах, не нарочно? Не нарочно? Не нарочно? — Усики вахмистра поднялись как стрелки. — Я тебе покажу!

И, размахнувшись, Хестанов ударил Кузьменко.

Тот закрыл руками лицо и заплакал.

Это ещё больше распалило Хестанова, и он ударил дневального со всей силы.

Вдруг Испанец заржал. С опаской от него отшатнувшись, Хестанов ушёл с коновязи.

Драгуны лихо чеканили:

Ты судьбине не перечь,
Не кручинься слёзно,
Всем придётся в землю лечь
Рано или поздно...

Кузьменко вбежал в палатку и упал на койку ничком. Все услышали, как он плачет.

Будённый оборвал песню, подошёл к драгуну, тронул за плечо:

— Кто тебя, Кузьменко? Говори, не бойся.

— Жить не даёт, денег просит. А у меня денег нет, где я возьму? — бормотал солдат.

— Так тебя, значит, вахмистр? — спросил Будённый.

— Конь Испанец его покалечил, — услышал Будённый скрипучий голос и увидел неслышно подошедшего вахмистра. — Кузьменко — неос-

торожный солдат. К Испанцу подошёл на близкое расстояние. Не раз я его упреждал — не подходи...

— Конь Испанец? — переспросил Будённый.

— А ты, унтерцер, проводи занятия! — закричал Хестанов. — Почему беспорядок?

— Устав бить не дозволяет, — тихо сказал Будённый.

— Что мне устав? Я сам себе устав! А ты что? Бунтовать солдат?

— Солдат — человек, — твёрдо сказал Будённый.

— Да я тебя в пыль разотру! — заорал Хестанов и замахнулся на Семёна Михайловича.

Но Будённый перехватил его руку и сам тяжело ударил Хестанова по лицу.

Тот упал. Но тут же вскочил на четвереньки и заорал:

— Бунт! Бунт!

Он побежал, озираясь на молчавших драгун. И долго они ещё слышали истошный крик вахмистра:

— Убил! Убил! Бунт!

— Пропадёшь, Семён Михайлович, — сказал один из драгун. — За такое — полевой суд.

— А за что пропадёт? — воскликнул другой. — За то, что за нас вступался? Кузьменко в обиду не дал?

Драгуны зашумели. Они от всей души хотели спасти любимого унтера.



Бойкий Васильков шлёпнул по лбу ладонью:

— Братцы! Придумал!

Солдаты зашептались...

Вскоре Хестанов вернулся. Щека у вахмистра покраснела, вспухла и была повязана носовым платком, голубым с белыми крапинками.

— Взвод! Смирно! — заорал он, подбегая.

За вахмистром шёл взводный командир, ротмистр. Драгуны замерли. Замер Будённый.

— Драгуны! — выкрикнул ротмистр визгливо. — В моём взводе совершенно страшное злодейство. Подчинённый поднял руку на своего начальника. Унтер-офицер Будённый, три шага вперёд!

Будённый вышел на три шага вперёд.

— Отвечай! Ну? — спросил взводный.

— Ничего не знаю, ваше благородие, — отчеканил Будённый.

— Запираешься? Хоменко, два шага вперёд! Ты что скажешь?

— Ничього не кажу, ваше благородие, — ответил Хоменко.

— Покрываешь?

— Кого? Не знаю, про що пытаете. Ничього не бачив, ваше благородие!

— Не бачил? Два шага назад! Васильков! Два шага вперёд! Расскажи ты! Ты видал?

— Никак нет, ничего не видал, ваше благородие! — отрапортовал Васильков.

— Так кто же, по-твоему, вахмистра побил? Святой дух? Я тебя, Васильков, спрашиваю: святой дух?

— Дозвольте доложить: помрачение нашло на господина вахмистра. Як навесили торбы на лошадей, господин вахмистр проходили по коновязи. Не остерёгшись коня Испанца, получили копытом по морде!

— Смеёшься?!

— Как перед попом на исповеди!

— Два шага назад! Ать-два! Ткаченко! Два шага вперёд! Кто ударил вахмистра? Отвечай!

— Конь Испанец копытом по морде, ваше благородие!

— Щербаков!

— Конь Испанец, вашбродь!

— Архипов!

— Так что я скажу, конь Испанец!

— Корешков!

— Испанец, вашбродь!

— Прокопенко! Н-ну?

— Так что конь Испанец копытом по морде! — уже совсем весело отрапортовал Прокопенко.

— Кузьменко! Два шага вперёд!

На два шага вперёд вышел Кузьменко. Ротмистр уставился на драгуна, побитого вахмистром. Спросил:

— А тебя кто размалевал?

— Конь Испанец заодно с господином вахмистром, — доложил Кузьменко.

— Какой же тебя конь Испанец, чего брешешь, чёрт? — не выдержал Хестанов.

— Сами меня в том уверили, господин вахмистр, — тихо, но значительно ответил Кузьменко.

— Бунтовщики, ваше благородие! — взвыл Хестанов.

— Дурак! Явишься ко мне в канцелярию! — приказал ротмистр и ушёл.

В обед конь Испанец получил тридцать две порции сахара, ровно столько, сколько драгун служило во взводе.

Сахар конь Испанец очень любил.





СМЕЛОСТЬ ГОРОДА БЕРЕТ

Белые отступали, уводя за собой восемь конников. Захватили их в пылу боя, окружив со всех сторон.

У пленников отобрали коней, полушубки, брюки и сапоги.

Ночь была холодная и сырая. Падал густой, мокрый снег. Бойцы окоченели от холода.

— Хлопцы, — тихо сказал бойцам командир эскадрона товарищ Бобриков. — Нам всё

одно помирать. Допрашивать будут — молчите, о чём бы ни спросили.

— Не разговаривать! — И один из белогвардейцев толкнул Бобрикова в спину прикладом.

Они уже подходили к станице, занятой врагами.

Во дворе ржали кони, лаяли встревоженные собаки. Во многих домах горел свет.

Конвоиры ввели пленных в избу. В углу под иконами сидел краснолицый полковник с большим животом.

Полковник был зол. Тринадцать тысяч отборных белых кавалеристов не смогли одолеть в бою трёх тысяч будёновцев.

«Разросся, что ли, корпус Будённого? — думал полковник. — А ну-ка, расспрошу пленных».

— Вот что, — сказал он захваченным в плен будёновцам. — Я вас расстреливать не стану. Быть может, даже отпущу по домам. Вижу, устали вы воевать. И, наверное, скучаете без родных, без ребят.

Пленные молчали.

— Какие части участвовали в бою? Какие имеются в запасе? Расскажите — отпущу на все четыре стороны...

Восемь полураздетых бойцов стояли перед белогвардейским полковником.

— Благодарим вас, господин полковник, — сказал Бобриков. — Только мы не хотим идти по домам. И вовсе мы не устали.



Дома нас подождут, а ребяташки подрастут, пока мы воюем. И не скажем мы вам, какие части участвовали в бою. А если интересуетесь насчёт запасных войск, то их у нас неисчислимая сила. Все рабочие возьмут винтовки, и все крестьяне винтовки возьмут. И не вернуться домой, пока вас не добьют.

У полковника ощетинились усы. Он встал: — Кто командир? Назовите его — и я вас отпущу.

Все восемь бойцов были без обмундирования, в одном белье. Они только переглянулись. Будёновцы твёрдо решили не выдавать своего командира.

Полковник подошёл к бойцу, который больше всех замёрз и стучал зубами. Полковник думал, что будёновец стучит зубами от страха.

— Говори сию минуту, кто командир, если хочешь жить...

Но ответил боец:

— Ставь меня к стенке, а я тебе ничего не скажу.

— Ты говори! — крикнул полковник другому.

Но будёновец только усмехнулся в ответ.

Тогда полковник приказал запереть пленных в нежилую избу и приставить к ним часового.

В пустой, холодной избе конники легли, тесно прижавшись друг к другу. За окном взад и вперёд ходил часовой.

— Товарищи, — прошептал Бобриков, — неужели мы так запросто и погрём?

Бойцы прислушались к словам своего командира.

— Не должны мы зря помереть, — продолжал он. — Будённый ввосьмером станицу Платовскую брал. Отряда тогда у него не было. Было только семь смелых товарищей. Не побоялись они ни орудий, ни пулемётов. Будённый всегда говорит: «Смелость города берёт».

— Что же делать-то? Часовой сторожит, — сказал кто-то.

— Нет, не должны мы зря помирать, — поднялся плечистый, рослый будёновец.

Раньше он был кузнецом, а потом пошёл добровольцем в конницу.

— Попробую, — сказал он, подошёл к окну, прислушался, взялся за раму, натужился и вырвал её.

Все замерли: не услышал ли часовой?

Но за окном была тишина.

Кузнец полез в окно первым. Он увидел задремавшего часового.

— Не спи, дурак!— И кузнец, оглушив часового кулачищем, забрал у него винтовку.

Один за другим вылезли бойцы. В деревне всё спало. Только в избе, где полковник вчера допрашивал пленных, ещё горел свет. У крыльца были привязаны кони. Их никто не сторожил.

Бойцы хотели уже вскочить на коней, но командир эскадрона остановил их. Он подкрался к окну, заглянул в хату. На лавках спали четыре офицера. Их оружие, кителя, шаровары, сапоги, шинели валялись на полу. На столе стояли пустые бутылки.

— Пьяные,— сказал Бобриков.

Дверь в избу была заперта.

— А ну-ка, кузнец...— приказал он.

Кузнец приналёг плечом на дверь. Никто не проснулся...

Из станицы выехали на конях четыре офицера, окружавшие полураздетых людей. Часовой у околицы отдал им честь.

Выехав в степь, всадники подхватили пеших товарищей, прищипорили коней и понеслись по заснеженной равнине.





ЛЮБИМЫЙ КОНЬ БУДЕННОГО

В атаку Будённый шёл всегда на своём любимом коне Казбеке.

Несколько раз Казбек выручал хозяина в бою. Однажды за Будённым гнался отряд белогвардейцев на отборных конях.

Белые нахлестывали своих коней, но догнать Будённого они не могли. Вдруг Будённый увидел впереди большой ров, пересекавший путь. объезжать этот ров — значило попасть в руки белым. Но быstroногий и сильный Казбек спас Будённого от неминуемой смерти. Конь разогнался и, словно птица, перелетел

через широкий ров. Белогвардейцы прыгать через этот ров не решились. Они слезли с коней и стали стрелять по всаднику, но напрасно. Казбек завернул в лес, и Будённый оказался в безопасности.

В другой раз, в бою, когда всё смешалось и Будённый врезался в самую гущу врагов, белогвардейский полковник выстрелил из револьвера в Семёна Михайловича, но промахнулся.

Пуля попала в любимого коня Будённого. Конь вздыбился, но Семён Михайлович успел выстрелить в полковника. Затем Казбек упал, а Будённый вскочил на другого коня и снова бросился в бой.

Белые были разбиты. Они бежали, и наши конники гнали их по жёлтой, выгоревшей степи.

После боя Будённый вдруг куда-то заторопился.

— Ты куда? — спросил его товарищ Ворошилов. Он заметил, что Семён Михайлович озабочен и мрачен.

— Казбека у меня убили. Хочу в последний раз на друга взглянуть, — ответил Семён Михайлович.

— Пойдём вместе, — сказал Ворошилов.

Ворошилов и Будённый шли полем.

Будённый подошёл к тому месту, где упал Казбек. Казбек прерывисто дышал. Будённый стоял молча, опечаленный. Тяжело ему было расставаться с конём.

К Будённому подошёл командир.



— Пристрелили его, чтоб не мучился,— сказал командир.

Будённый вынул из кобуры револьвер, нацелился.

Но вдруг конь как будто всё понял. Он поднял голову и взглянул на своего хозяина. Из глаз его покатались крупные слёзы.

Будённый отвёл руку с револьвером и отвернулся.

— Не могу,— сказал он Ворошилову.

Ворошилов молчал.

Он видел, как тяжело Будённому расставаться с Казбеком. Командир, который советовал пристрелить Казбека, вынул из кобуры свой револьвер.

— Погоди,— сказал Ворошилов командире.— Надо позвать врача. Может быть, вылечим.

Командир поспешил за врачом. Врач пришёл тотчас же и осмотрел коня. Он отвёз Казбека в госпиталь.

В госпитале конь поправился, и вскоре Будённый смог уже снова оседлать Казбека.

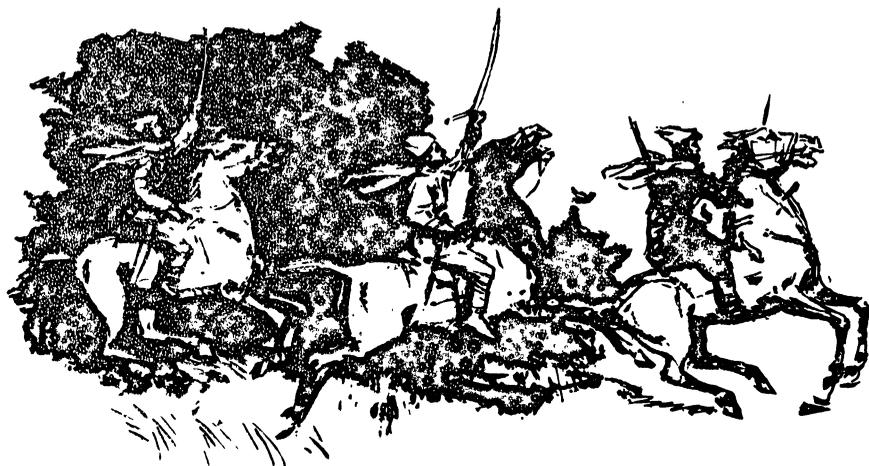
И ещё много раз ходил Будённый в атаку на своём любимом коне.

И ещё много раз выручал Казбек своего хозяина.



СОДЕРЖАНИЕ

ВОСЕМЬ СМЕЛЫХ БУДЕНОВЦЕВ	3
КОНЬ ИСПАНЕЦ	14
СМЕЛОСТЬ ГОРОДА БЕРЕТ	23
ЛЮБИМЫЙ КОНЬ БУДЕННОГО.	28



Для начальной школы

Игорь Евгеньевич Всеволожский

ВОСЕМЬ СМЕЛЫХ БУДЕНОВЦЕВ

Ответственный редактор *Л. Г. Тихомирова* Художественный редактор *Н. З. Левинская*. Технический редактор *Г. Г. Стап* Корректор *Э. Н. Сизова* Сдано в набор 16/IV 1974 г. Подписано к печати 19/XI 1974 г. Формат 70×100/16 Бум типогр № 2. Печ л 2 Усл. печ л. 2,6 Уч.-изд. л. 1,72. Тираж 1 500 000 экз. Заказ № 21 Цена 8 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1 Калининский полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата СМ РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.



СЕРИЯ «ЧИТАЕМ САМИ»

ДОРОГИЕ ПЕРВОКЛАССНИКИ!

Издательство «Детская литература» выпускает для вас серию книг «ЧИТАЕМ САМИ».

В 1974 году выходят книги:

ГДЕ ЕЖИК!

Рассказы о животных

ЛЕСНЫЕ ХОРОМЫ.

Рассказы, сказки, стихи, загадки

Телстой Л.

РАССКАЗЫ О ДЕТЯХ.

ДЕВОЧКА И РАЗБОЙНИКИ.

Сказки

РОДНИК.

Стихи русских поэтов

Ушинский К.

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ.

Заходер Б.

РУСАЧОК.

Сказки в прозе

Александрова З.

ПЯТЕРО ИЗ ОДНОЙ ЗВЕЗДОЧКИ.

Стихи

Астафьев В.

СТРИЖОНОК СКРИП.

Рассказы

Бианки В.

ПЛАВУНЧИК.

Рассказы

Обращайтесь за этими книгами в свои школьные и районные библиотеки.